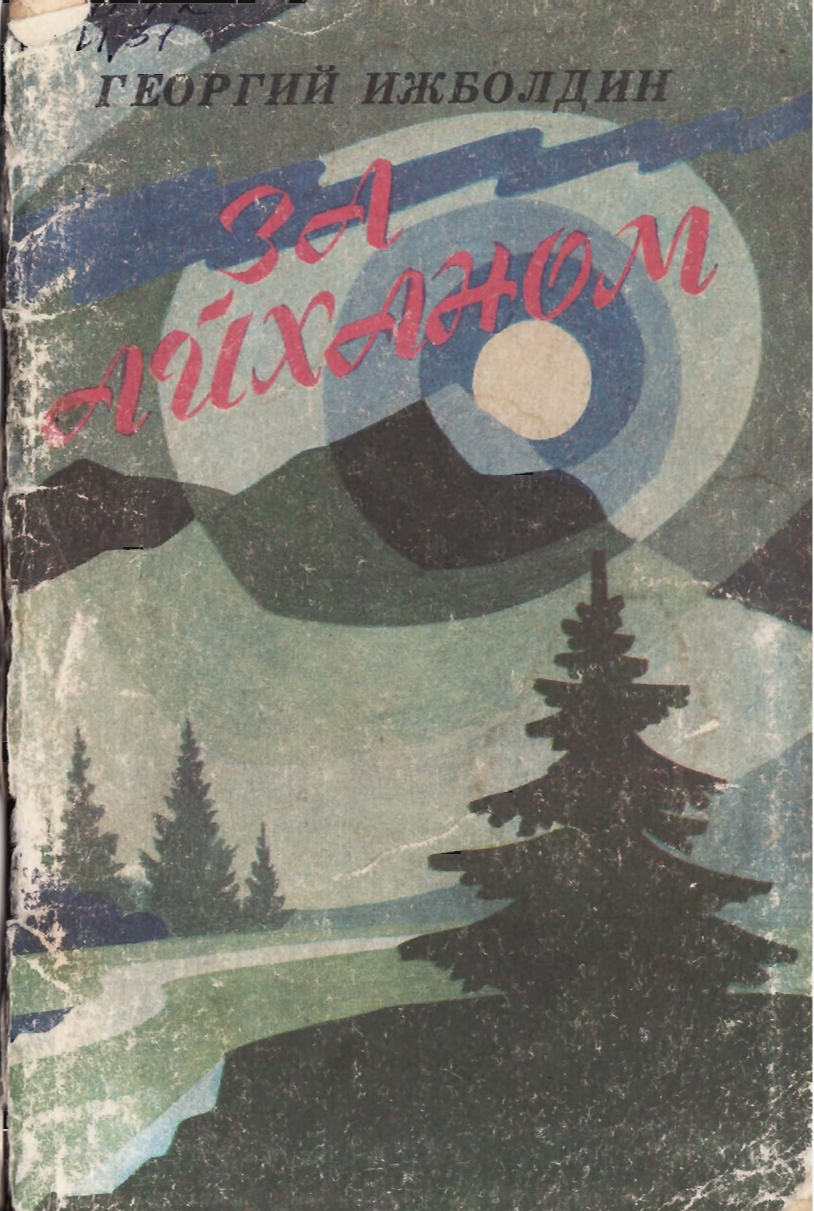

11/31

ГЕОРГИЙ ИЖБОЛДИН

ЗА
АЙХАНОМ

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

	~~30/VI~~	~~6/2~~	
	22/1	232	
	~~30/VI~~	~~6/2~~	

КемПК

8474
435

ГЕОРГИЙ ИЖБОЛДИН

ЗА АЙХАНОМ

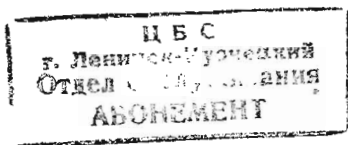

ПОВЕСТЬ

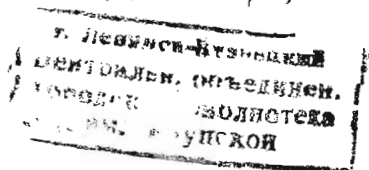
Кемеровское
книжное издательство
1990

БКК 83.3P7
И 31

125

45088/2

Ижболдин Г. М.

И 31 За Айханом: Повесть/Худ. Н. В. Сидоркин.— Кемеровское кн. изд-во, 1990. 63 с.

ISBN 5-7550-0130-8

Значительная часть жизни автора связана с Шорией, где он до недавнего времени работал школьным учителем. Хорошо знаком с обычаями горных охотников. Размышления о судьбе шорского народа вылились в повесть, действие которой происходит в годы становления в Сибири Советской власти. Главный герой ее — маленький Очан рвется к правде и справедливости, по своему отстаивает право человека на лучшую долю.

И 4702010201—43 90
М 145(03)—90

БКК 83.3P7

ISBN 5-7550-0130-8

© Ижболдин Г. М., 1990

Осень уходила из Шории. Солнце все меньше давало земле тепла и света. Тайга стихла и поблекла. Небо тяжелело и опускалось все ниже. Горы не спеша надевали на свои вершины белые шапки. Первые морозы остановили на реках и сковали глухой хруст шуги. Шла студеная зима.

БЕРЕЗА УЛЬГЕНА

В эту пору Очан с матерью провожали отца на промысел. Они шли по старой запорошенной тропе. Впереди легко скользил на лыжах отец. Сторонкой, обнюхивая еще не полностью засыпанные снегом пеньки и кочки, бежал белоголовый Акпаш.

Так шли с версту, до искалеченной временем и непогодой березы. Это была особенная береза, Береза Ульгена, доброго духа тайги. Возле дерева на минуту остановились.

Здесь Акпаш на прощание лизнул Очана. Здесь Анюк с доброй строгостью наказала собаке: «Смотри, Акпаш, хорошо береги хозяина...» Отсюда охотник Толай, похлопав сына по плечу и кивнув жене — дескать, не горюй, все будет как нельзя лучше! — пошел в горы.

Возвращались домой с неохотой, тяжело. Очан то и дело останавливался, смотрел на гору, по которой все выше к небу поднимался отец, махал ему рукой, шумел. Но Толай уже не слышал сына, он уходил все дальше, становился все меньше, и, круто повернув за каменный выступ, исчез.

— Ушел,— с обидой, кому-то жалуясь, протянул Очан.

Большими хлопьями, засыпая след Толая, повалил снег. Всего в трех шагах перебежала их тропу лиса. Очан увидел рыжую, когда та, словно понимая, что этим людям не до нее, лукаво помахивая пышным хвостом, направлялась в ближний пихтач.

— Смотри, смотри!.. — выскочил вперед Очан.

Но Анюк на радость сына никак не ответила.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ УЛУСА УЛТАНА

Юрта была низкой, тесной, с маленьким, в куриный глаз, окном. У окна стоял небольшой стол с тремя табуретками. Рядом — простенький ткацкий станок. К задней стенке, слева от входа в юрту, был приделан очаг. Тут же на толстой чурке стояла зернотерка, тут же была низенькая скамеечка.

Мать Очана присела к угасающему очагу. На душе у нее было смутно. «После ухода Толая тоска что-то шибко берет. Дух теснит. Беду, что ли, сердце чует?» — думала она.

Очан сразу же занялся делом: стал восстанавливать огонь — единственную отраду бедных охотников.

Длинные, по аршину, сосновые поленья он аккуратно приставил к вогнутой стенке шаала¹. Под ними, на тлеющие головешки, искусно подложил хрупкие пихтовые ветки и усердно раздул искры в алые огоньки.

---

¹ Шаала — очаг.

Очаг ожил, осветил юрту. Это и была жизнь.

— Ичий¹, что молчишь?— сказал Очан, подкладывая в очаг обломки сухостоя.— Расскажи мне сказку про богатыря Мустакая.

— Тебе отец, однако, эту сказку вчера рассказывал.

— Еще хочу.

— Голова что-то не та стала,— вздохнула Анюк, но начала сказку:

— У старого Мустага это было. Стояли там когда-то три юрты: одна была пустой, а в тех жили два охотника...

— А у нас две пустых... Мы совсем одни,— подметил Очан.

— Эдак, сынок... Большие и маленькие умерли: хворь такая была. Мы — последние из улуса Ултана.

— А дедушка Ултан тоже умер?

— Потом умер... Добрый akka² был. Большие слова говорил. С трубки всегда начинал. Постучит пальцем по голове Толая, твоего отца, и с улыбкой скажет, что пустая трубка не дымит. Думай хоть год, но скажи ясно. Слово человека — его честь. Не поддавайся, говорил, шайтану — и ему власти над тобой не будет. Велел много работать...

— Хороший дедушка был. Зачем умер? — пожалел Очан.

— Шибко старый стал. Совсем ослаб... Как-то утром сказал: «Пойду, однако, дети, по стойбищам — с добрыми людьми прощаться...» Ходил все лето. А потом вернулся, никому

---

¹ Ичий — обращение к матери.

² Акка — мудрый, уважаемый старец, отец.

слова не сказал, лег на нары. Два дня ничего не ел. Всё на нас смотрел. В окно на тайгу смотрел... Неживой был — все на нас смотрел... Похоронили дедушку высоко на дереве¹, чтобы ближе к добрым духам был. С тех пор и живем одни. Твой отец смелый охотник — один на медведя ходит, крепко стреляет.

— Мне, однако, тоже ружье надо, — высказал Очан свою давнюю мечту. — Хочу на белку, на глухаря сам ходить.

— Правильно думаешь, сынок, — согласилась мать. — Отец вернется, купит тебе ружье.

ТОЛАЙ

В конце марта Толай с богатой добычей возвращался домой. С горы на гору, через бурелом и заросли тянул тяжелые нарты. На них были аккуратно уложены увесистая часть туши медведя, шкурки белок и соболей и недавно выпотрошенный глухарь.

Приблизившись к родному улусу, Толай остановился, присел на нарты, размечтался. Сейчас он спустится по холодному склону Курентага к Мрассу, напьется в полынье самой свежей в мире воды, — и не успеет солнце скатиться к алтайцам за горы, как он войдет в свою юрту.

Очан бросится на руки. Обрадуется Анюк. А какой вкусной она наварит лапши с медвежатиной, напечет лепешек, согреет чаю с душистой травой... В юрте тепло... радость... разговор. Девять соболей! Анюк так много еще

---

¹ Старинный шорский способ захоронения.

не видела. Когда братья были живы, семь, однако, приносил. Теперь за всю пушнину много денег дадут. Купить кое-что можно. А может, в Кузнецк уйти? Что тут одному торчать? Что ждать? Дождешься... Братья дождались. Все в одно лето от хвори брюха умерли. Вместе со своими бабами и ребятишками в землю ушли. Придет опять эта хворь — последняя юрта в улусе Ултана пустой будет. Надо идти в город. Слышал, русские скоро большой завод станут строить. Из тельбесской руды железо делать будут... Очан скоро большой станет — грамоте учить надо. Фельдшером, может, станет. Или, как русский Максим, уполномоченным станет. Этот Максим в Заайхане говорил, что в Москве коммунисты большое собрание проводили, дорогу, по которой надо шорцам дальше идти, искали. Нашли, говорят. По этой дороге шорцы со всеми людьми, как с братьями, пойдут. Всегда дружно жить будут. Все вместе работать будут. Всем надо работать. А то баи и купцы не шибко много работали. А этот Киря Кривая Душа? Как с ним идти по одной дороге? Он то сюда, то туда всю жизнь виляет. Никакой работы ему нету. Обмануть, украсть, водку пить — вот его работа. Как с ним идти по одной дороге? Какой он брат? Один шорский позор! Правда, Акпаш?

Собака, сидевшая у ног хозяина, подняла на него беспокойные глаза, поводила чуткими ушами и коротко, словно выразив согласие, твякнула.

От воспоминаний о Кирьяне Сыркашеве, заготовителе пушнины, человеку темном и жуликоватом, Толай ощутил горький осадок в

душе. Тяжело поднялся он с нарт, набросил на плечи суровую бечевку, натянул — и медленно, обходя крупный валежник, направился вдоль северного склона Курентага.

Акпаш как сдурел: наверно, от радости крутится под ногами — скоро дом будет.

А собака сначала суетливо вертелась вокруг хозяина, перебивала ему путь, отвлекала в другую сторону, а когда Толай круто повернул вниз, к реке, по которой желтой лентой тянулась весенняя дорога, Акпаш бросился на него с непонятной злобой.

Охотник выругался и первый раз в жизни грубо оттолкнул Акпаша. И в этот миг враз, оборвав лесную тишину, грохнуло два выстрела. Толай покачнулся, уперся глазами в могучий Айхан, за которым его ждали жена и сын, стал и стоит. Выстрелы повторились. Потом все стихло для Толая и погасло.

СЫРКАШЕВ, ХРОМОЙ И ДРУГИЕ

Не успело доброе сердце Толая остыть, как из-за тупого выступа Курентага на гнедом жеребце, в легкой кошевке лихо подкатил к месту разбоя коротконогий, с бегаящими глазами Сыркашев. Ему навстречу, оставив у спущенных к реке нарт окровавленный труп, гуськом выползли три замызганных, с редкой щетиной на опухших лицах человека. У каждого за плечами торчал короткий ствол карабина. Первый, слегка прихрамывая, нес еще и большой из дерюги мешок.

— Вытряхай! — нетерпеливо потребовал Сыркашев.

Хромой, не торопясь, освободил мешок. На снегу, под косыми лучами заходящего солнца, заискрились пушистые шкурки зверьков.

— Складай обратно!.. По одной!— командовал довольный заготовитель.— Вот, от Корнея.— Он каждому убийце сунул в руки по пачке замусоленных рублевок.

Хромой недовольно нахмурился, зарычал:

— Мало даешь!

Сыркашев, игриво улыбаясь, засеменял к саням. За ним, почуяв дополнительный кусок, потянулся Хромой.

Из-под сидения в кошевке Сыркашев вытащил бутылку спирта:

— Забирай. Завтра ночью приходи в Картайгу— к Корнею пойдём. Этих не води. Пусть тут дохнут. Понял? Приказ это.

— По-о-нял... Один приду.

Заготовитель с пушниной Толая умчался вниз по Мрассу.

Проводив его, дружки спалили нарты, в последний раз выпили вместе, сбросили в дымящуюся полыню труп и, пытаясь убить воющую в пихтаче собаку, перешибли ей ногу. Она покрутилась, повизжала и умолкла. Банда, окончив «охоту», разбрелась. Когда Хромой остался один, до него дошел смысл слов Сыркашева. Он зло развернул лыжи и помчался догонять дружков. Скоро в пихтаче послышались новые выстрелы.

АКПАШ

Когда немного стихла боль в ноге, Акпаш спустился к реке. Труп Толая, перевернутый течением вверх лицом, удерживался осевшей

под водой льдиной. Жалобно повизгивая, собака бросилась на выручку. Ухватив за рукав шабура¹ зубами, Акпаш пытался вытащить хозяина из полыньи. Из последних сил он тянул друга из реки — и сорвался. Пока, барахтаясь в воде, выбирался на берег, смешивая свою кровь с кровью Толая, труп затянуло под лед.

Искалеченный, обледеневший Акпаш к утру приковылял к юрте, неловко прилег к двери и тихо завыл. Давно проснувшаяся Анюк испуганно насторожилась. Подошла к двери, прислушалась: «Акпаш? один?!»

Забыв наказ мужа — не портить собаку теплом, — она впустила Акпаша и, оглядев его, поняла: к ним в юрту пришла большая беда.

ОЧАН, ЛУНА И ВЛАДЫЧИЦА ЛУНЫ

Очан спал хоть и долго, но беспокойно. Снилось ему перед утром старая гора Айхан. В обиде он был на нее: всю жизнь она Луну от людей прячет. Потому люди и прозвали старуху-гору Айханом — Владычицей Луны. Только выйдет Луна из-за леса, только начнет светить — а гора бесшумно подтянет ее и спрячет за свою широкую спину. Так и держит всю ночь.

Долго смотрел Очан на проделки Айхана — и придумал поймать Луну и спустить на землю.

Поднялся Очан на вершину Айхана, рас-

---

¹ Ш а б у р — верхнее платье, халат.

крыл пошире торбу и ждет. Наконец видит: Луна из-за густого бора поднимается, огромная, круглая, вся в холодном сиянии. Выкатилась из тайги на небесные просторы и без помех мчится прямо на него. Очан уперся ногами в огромный камень, приготовился. А Луна вдруг круто повернула — и покатила за Айхан. Очан не растерялся. Он резко взмахнул пустой торбой, громко свистнул и полетел вслед за Луной.

Летел мимо сверкающих звезд, летел над Курентагом, над густым кедром — и увидел вдруг... отца. Тот, утопая в рыхлом снегу, медленно тянул тяжелую нарту, часто останавливался и подолгу смотрел на небо. Может, кого искал там, помощи просил; может, увидел сына, который летит, ничего не замечая. Наверно, забыл, как трудно жить на земле, — высоко летает.

Но Очан никого не забыл и высоко летает ради всех людей: всем нужен свет Луны ночью. Он машет отцу свободной рукой, он кричит, чтоб отец присел отдохнуть, он обещает скоро вернуться на землю и помочь...

А Луна летит все быстрее, поднимается все выше, мчится в самую гущу звезд. Очан не может больше гнаться за ней: он все больше думает об отце, об Акпаше, он все ближе опускается к Шории. Вот перед ним и гора всех гор — Мустаг, и пустая торба тянется к земле, цыпляется за высокий кедр...

И проснулся Очан. Лежит Очан на жестких нарах и думает: «Придет ли сегодня отец с Акпашем? Может, надо помогать ему? Но куда пойдешь? На Мустаг, что ли, пойдешь?.. А где ичий? Куда опять ушла? Молчит, мол-

чит — и уйдет. Говорит, горе чует. Какое горе? Зачем нам горе? Очаг, что ли, топить?»

АНЮК

Анюк, оставив спящего сына в юрте, направилась было в сторону Курентага. Акпаш одобрительно поднял голову, повилял хвостом и, хромя, подался за хозяйкой. Она, бездумно изменив путь, зашла в старый пихтач, присела на сломанную бурей лесину. Вокруг без опаски сновали веселые белки, шумно пролетали крупные птицы, с омертвевших сучьев свисали седые бороды лишайника.

— Знаю, сердце подсказывает, ты, Акпаш, не виноват,— Анюк погладила собаку по голове, пожаловалась:

— Шибко мне горько. Пошто пришел один? Где Толая оставил? Как теперь жить? Где медвежатину брать? Где муку, соль брать? Как жить? Умирать, однако, надо...

Анюк сняла с шабура пояс из дикой конопли привязала к толстому суку пихты, склонила голову...

«А сын? — подумала она. — Ходить по тайге один будет. Отца, мать искать будет. С голоду умирать будет...»

— Пойду, однако, опять к Ульгену,— решила она.— А ты, Акпаш, не ходи: тебе туда нельзя.

Но собака не отставала. Анюк покричала, построжилась, кинула в Акпаша деревянный обломок и угодила в больную ногу.

Акпаш, не понимая, за что его обидели, обреченно заскулил, отвернулся от хозяйки и навсегда ушел.

НЕ НАДО ПЛАКАТЬ

Наступил вечер. Очан, присев у маленького окна, беспокойно ждал мать. Уже первые звезды загорелись на небе, а мать все не приходила. Подбросив поленьев в едко дымящий очаг, Очан медленно, как с тяжелой ношей, вышел из юрты.

Глухой лес окружал его черной стеной. Преодолевая страх, мальчик глянул в таинственную темноту. В первую минуту он увидел там множество огромных и уродливых шайтанов, готовых броситься на него. Рядом с ними затаились рыси, медведи, гибкие змеи... Были там и зубастые звери, вовсе неизвестные Очану. Над ними, на суку осины, в байской позе сидел филин, бессмысленно крутил большой головой. Но чем дальше вглядывался Очан в дебри леса, тем меньше становилось там злых духов и зверей. Наконец все куда-то отступило и исчезло. Мальчика словно расковали. С него будто сбросили невидимые цепи. Он резко повернул за юрту и, не оглядываясь, пошел по той тропе, по которой когда-то уходил на промысел его отец с Акпашем. Очан шел и громко кричал. В его длинном, зовущем крике было одно слово: «И-чи-и-й!» Это слово заполнило всю тайгу. На высоком небе ярче загорелись звезды. На помощь Очану пришла Луна. И когда ночное светило медленно поплыло над Мрассу к Айхану, сын увидел мать. Она, озаренная лунным сиянием, стояла на коленях перед искалеченной березой и умоляла доброго бога Ульгена вернуть ей мужа и одарить счастьем сына.

Дрожа от холода, Очан опустился на снег рядом с матерью и чуть слышно сказал:

— Ичий, не надо плакать. Пойдем в юрту. Месяц скоро за Айхан уйдет, совсем холодно будет. Пойдем, ичий.

Мать вздрогнула, с трудом поднялась на больные ноги и побрела с Очаном к юрте.

Скоро из ветхой юрты жидкой струйкой побежал оживший дымок.

ОЧАН И НАЛИМ

Время шло.

После бурного половодья Мрассу вернулась в свои берега. Недалеко от ултановских юрт, на южном склоне горы, открылась широкая поляна. В окружении старого леса, больших глыб плотного снега и гнилого бурелома здесь появилась новая жизнь. На поляне сначала робко, в одиночку, расцвели подснежники, за ними в одну теплую ночь весело рассыпались по склону розово-пурпурные кандыки, а пониже, у бойкого ручья, проступили острые шильца колбы.

Мать Очана целыми днями собирала и сушила на зиму сначала желтые корни саранки и кандыка, нежную медуницу и полевой лук, а позднее — душистую землянику, целебную малину, красную и черную смородину, чернику и разнотравье.

Очан тоже делом занимался. Он то вместе с матерью тяжелым абылом обрабатывал недалеко от юрты узкую полоску ячменного поля, то с самодельным свистком и волосяной петлей на длинной, как удилище, палке ловил

бурундуков, то в жаркие дни убегал рыба-
чить.

Рыбачил Очан самозабвенно. Особенно любил охоту на налимов. Пройдет версты три вниз по Мрассу, повалается в мелкой траве с цветками на высоком берегу, а потом бредет вверх по реке и под камни заглядывает. Приподнимет камень за один край, мутную воду пропустит, смотрит — у другой кромки налим. Стоит у самого дна и усом водит. Тут его Очан трезубцем и прижмет.

Вытаскивал маленький рыболов налимов и на глубине. Однажды, ныряя от камня к камню, Очан незаметно для себя заплыл на глубину. Трезубцем здесь рыбу не возьмешь. Надо было возвращаться на мель, но остроглазый рыбак заметил под водой хороший камень, с норой у основания. У входа в нору виднелась дорожка крупного золотистого песка. «Здесь, однако, толстый налим живет,— подумал Очан.— Но как его взять?»

Подумал, подумал — и, решив, что налим не медведь, нырнул. Ощупал основание камня. Осторожно ввел руку в нору. Чуткие пальцы задели холодное тело дремавшей рыбы. Она чуть шевельнулась. Очан обрадовался и оробел. Оторвался от камня, всплыл. Посмотрел вниз по течению: пережат недалеко. Глубоко вздохнул — и снова под камень. Налим проснулся. Его большая, с тупым покатым лбом голова была у входа. Очан стал водить пальцем по жестким губам рыбы. Сытый и ленивый в эту пору налим капризничал и долго не хотел раскрывать рта. Наконец Очану удалось вызвать у рыбы желание проглотить червячка. Налим вяло раскрыл рот и

втянул палец мальчика в себя. Вот уже и два, и три пальца в пасти рыбы, и сил нет больше держаться под водой. Очан резко схватил налима за жабры. Налим, словно испуганный зверь, рванул из норы и поволок худенького рыбака по широкой Мрассу. Очан думал только об одном: лишь бы не выпустить рыбу. Сжимая беззубым ртом пальцы рыбака, огромный налим бросался то вверх, то вниз, то тянул вглубь, то устремлялся на поверхность.

Собрав силы, Очан переборол волю разъяренной рыбы и подогнал ее к перекату. Ему помогала река: ласково поддерживая, она осторожно вынесла мальчика с налимом на мель.

Вытянув рыбу на берег, Очан продел ей через жабры конопляный, с деревянным накопником шнур и поволок по воде домой.

ПО ОРЕХИ

В одно чистое утро сентября Очан с матерью отправились по крутой, каменистой тропе на Ореховую гору.

Кедровник жил кипучей жизнью: взлетали целые выводки молодых рябчиков; бойко трудились крикливые кедровки; с раскидистого дерева, надежно стоявшего на утесе, шумно затарахтев, поднялся и полетел под склон горы тучный глухарь.

В глубине кедровника, растопырив лапки и вытянув пушистые хвосты, с ветки на ветку, с вершины на вершину перелетали белки; по-

ниже шныряли бурундуки; на земле робко шуршали пузатенькие мышки.

Не обходили кедрач важные соболи и суетливые колонки. Нередко здесь ковылял медведь. Кедровый лес кормил всех.

На земле шишек было еще немного, и Очан получил от матери разрешение слазить на невысокий, с крепкими сучками от самого комля, кедр.

Мальчик обрадовался. Живо стукнул он тоненькую рябинку ножом под корешок, посвистывая, очистил от веток, хомутиком привязал к рябине веревочку. Этот хомутик он перекинул через голову и хотел лезть.

— Очан... — мать секунду помолчала. — Посмотри, сынок, на небо подольше. Пусть сердце маленькое утихнет. Пусть глаза не бегают туда-сюда... — Мать удерживала сына, пока не почувствовала, что он спокоен. — Теперь иди. Не торопись. Не будь жадным. Ореха много.

Поправив на плече веревочку с палкой, Очан, цепляясь за сучки, полез к вершине. Мать с замиранием сердца следила за его движениями. Скоро на землю полетели крупные шишки. Собирая их, мать успокоилась. Работали молча. Орех созрел — и от легкого прикосновения прутиком шишки падали одна за другой, гулко ударяясь о землю. Горка их росла.

Неожиданно мать громко вскрикнула:

— Ай-а-й!

— Что надо? — спокойно, как и подобает мужчине, отозвался Очан с дерева.

— Сынок, сынок!.. Сходи на землю, — стояла мать.

2 Д. Визбольдин

г. Ленинск-Кузнецкий
Отдел областного управления
г. Ленинск-Кузнецкий
Управление областного управления
я. Крупской

Очан послушно слез и, пожимая плечами, устоялся на мать. Она стояла на коленях и рассматривала клочки истлевшей одежды на маленьком скелете человека.

— Кто это?—спросил Очан.

— Не знаю,—чуть слышно ответила мать.— Много парнишек умирает в тайге. Пойдем, сынок. Хватит нам.

И СНОВА ЗИМА...

Все скупее грело осеннее солнце. Все чаще хмурилось небо. Большие лопухи таежной травы омертвели и, как мокрые тряпки, повисли на жестких стеблях. Сник пожелтевший папоротник. Узкие тропы стали грязными и скользкими. С высокого Айхана, словно хищная птица, распластав огромные белые крылья, опускалась на землю зима.

Мать плохо видела трахомными глазами Айхан, но, возвращаясь как-то от Курентага с вязанкой дров, почувствовала, что по реке, прихватывая их берег, тянет холод. «Зима ползет»,—встревоженно подумала она.

Наутро выпал снег.

«Большая, однако, сила у злого Эрлика,—думал в то утро Очан.—Всю землю в одну ночь испортил. Злой дух, однако, сильнее доброго Ульгена. Вода теперь совсем холодная стала...»

«Ячменя мало,—думала в то утро мать.—Медвежатины нет. Сушеной рыбы мало. Кореньев мало. Не прожить зиму. Надо больше сына кормить. Может, доживет до лета. А кому сирота нужен? Все шорцы так плохо

живут... Может, Антон зайдет с охоты? Давно не заходил... Шорец, а зовут Антон. Дедушка Ултан говорил, что в Заайхане русский поп живет. Всех шорцев в Мрассу под железным крестом купал и русское имя давал. Наверное, потому Антон маленько русским пахнет...»

Весь октябрь и почти весь ноябрь, пока спорили слабосильный — по мнению Очана — Ульген и злой сильный Эрлик, в тайге стояла непролазная слякоть. Вся жизнь — в грязи, тумане, холоде. Сила Эрлика преследовала все живое, сковывала крылья птиц и быстрые ноги зверей. Смелые и гордые в теплые времена, медведи стыдливо опускали большие головы и, подыскав в глуши удобное место, засыпали там до солнечных дней. Свободу и волю в эту пору имели только стервятники и шакалы. Они шныряли по чужим жилищам и гнездам, терзали робких и слабых.

А на земле и в небе все крепче примораживало. Наконец, захлестывая едким дымом ветхое жилье одиноких людей, зло завывала вьюга. И в последней юрте Ултана на долгие месяцы стало сыро, темно и холодно.

К середине зимы Анюк от жизни впроголодь, от непосильных забот и тревог ослабла, стала задыхаться, надрывно кашлять. Скрывая слабость, она держалась с Очаном как всегда — ровно, спокойно, ласково, только двигаться стала медленнее, чаще отдыхала на нарах и подолгу смотрела на сына, словно пыталась наглядеться на долгие годы разлуки, увидеть его судьбу.

Когда спали морозы и немного утихли вьюги, Очан запросился в тайгу:

— Мне, ичий, в тайгу, однако, сходить надо. Пойду?

— Иди, сынок,— угасающим голосом ответила мать.— Далеко только не ходи.

Очан послушался. Надеясь что-нибудь добыть, он то спускался к реке, то поднимался в горы, то забирался в дебри.

К вечеру вернулся — с большой обидой на весь свет, с пустыми руками: ни рыбки, ни орешка, ни ягодки. Вернулся усталым и голодным. Мать дала ему, словно птенцу, щепотку немолотого ячменя, крошку сухой рыбы — и легла на нары. Очан всю еду смахнул разом в рот и никакой сытости не почувствовал. Голод стал терзать еще острее. Очан не мог справиться, заныл:

— Ичий, дай еще. Брюхо болит. Я шибко есть хочу. Дай, ичий. Одно зернышко, одну косточку...

Мать молчала.

— Жадная,— сказал Очан и заплакал.

Анюк не выдержала, поднялась с нар — и глухо закашляла. Из горла хлынула кровь.

Очан умолк. Испуганно подсел к матери на нары, гладил ее по голове и повторял:

— Не надо кашлять, ичий. Я больше так не буду... Не буду...

ОТКУДА ЖДАТЬ ПОМОЩИ?

Приближался март.

Однажды, когда Очан опять ушел из юрты, Анюк стала прикидывать, сколько дней можно еще протянуть на остатке зимних запасов.

Ячмень, рыбу и фунта два ягод она разделила на доли: день — долька, долька — день...

Получилось девять неравных пар. Дольки побольше — сыну. Посмотрела, подумала — и свои маленькие дольки присоединила к долькам сына.

Анюк знала, что умирает, — и все-таки надеялась на чудо, верила, что добрый Ульген, наконец, вмешается в их жизнь, спасет Очана, вернет Толая... Когда все до зернышка, до ягодки, до рыбьей косточки было окончательно разложено, ей послышался скрип двери.

Она тяжело подняла больную голову и, как в тумане, увидела мужа.

Толай оброс бородой и длинными волосами. Усы его были опущены. Он стоял у входа в тех же мягких чирках и коротком до колен шабуре, в которых уходил на промысел. Шабур был подпоясан сыромятным ремнем с самодельной пряжкой из красной меди. Справа на ремне — пороховница, слева — большой нож в деревянных ножнах. Через плечо перекинута ружье. В зубах — трубка. Трубка не дымит.

Постоял так Толай и, не сказав ни слова, исчез.

В юрте стало еще холоднее и тревожнее. Усилились мрак и чад. У Анюк кружилась голова. Сердце ныло от горя и боли.

«У кого просить помощи? Кто спасет нас? — спрашивала себя Анюк. — Может, опять просить доброго Ульгена? Но столько раз уже просила. Ни на просьбы, ни на слезы не отзывается он. Совсем оглох, совсем ослеп! Ничего не слышит! Ничего не видит! Где его доброта? Все духи — как узют-каны¹: только

¹ Узют-каны — блуждающие по земле души умерших.

зло умеют делать... А может, и нет их совсем? Дедушка Ултан говорил, что все шаманы — обманщики...»

Анюк содрогнулась от собственной дерзости. Ее глаза остекленели: Рот приоткрылся. Она онемела от страха — не за себя, а за сына: что если Ульген и его помощники выместят на нем свой гнев?

Со слезами и стоном упала Анюк на колени и стала просить у богов и духов прощения. Отдав этим мольбам остаток сил, в сумеречном состоянии она добралась до нар.

СОВСЕМ ОДИН

Очан вернулся в юрту под вечер. В его торбочке лежали ветки рябины, унизанные ягодами. Эти ягоды они с матерью будут отщипывать по одной и есть, сидя на скамеечке у теплого очага.

Очан заметил лучину, догоравшую в светце, и стал будить спящую на нарах мать:

— Ичий, вставай. Я тебе рябинку принес.

Мать не отзывалась.

Очан внимательно взгляделся в ее лицо. Глаза матери были открыты и смотрели куда-то в высоту. Наверное, на вершину той горы, куда ушел отец.

И вдруг Очан понял, что в юрте он совсем один, один в тайге, один на всем свете.

Он закричал — и кричал до тех пор, пока не пропал голос. Когда, обессилев, он затих, возле юрты послышались шаги, дверь распахнулась — и при последней вспышке задуваемой ветром лучины мальчик увидел человека, похожего на его отца.

УЛТАН И АРХИП, ТОЛАЙ И АНТОН

Шорец Архип Тортумашев когда-то получил от заайханского бая небольшую делянку кедровника. По соседству с ним был кедровник семьи Ултана. Там они каждую осень встречались, помогали друг другу и сдружились. Архип уговаривал Ултана перебраться в Заайхан. Обещал помочь поставить избушку. Но Ултан не хотел зависеть от шамана и попа-миссионера и предпочитал жить отдельно, своим маленьким улусом.

Время шло. У Архипа и Ултана в одно лето родились парнишки. Ултана назвал своего сына Толаем, а сыну Архипа поп дал имя Антон.

Ребята выросли здоровыми, умными, тоже дружили, но виделись редко. Раз в год или реже Антон приходил к Толаю из большого улуса.

АНТОН И ШАМАН

Осиротевшего Очана Антон привез на нартах в Заайхан. По древнему обычаю, на возвращение охотника с промысла собралось много народу. Дети и женщины толпились возле нарт, стараясь поближе разглядеть маленького мальчика, который, сжав посиневшие губенки, беспокойно озирался.

Очан не мог понять, где находится, почему вокруг так много народу, почему все юрты большие и разные. Это было похоже на улус из сказки о Мустакае. Люди были красивые, и, кажется, не злые. Рядом был дядя Антон...

И Очан повеселел. Лишь один старик не-

приятно беспокоил Очана: он стоял в сторонке и пристально смотрел на мальчика колющими глазами. От этого сверлящего взгляда Очану стало нехорошо, голова кругом пошла.

Он опять сник, прижался к Антону. Старик подошел к охотнику, буркнул:

— Я, однако, парнишку возьму.

Антон Тортумашев хорошо знал силу и власть шамана. В Заайхане испокон века было заведено при благополучном возвращении охотника с промысла отдавать шаману лучшего соболя, лучший кусок мяса, все лучшее, на что тот укажет.

Советская власть, пришедшая в Заайхан, еще не переборола живучих порядков прошлого.

Но разве Очан — добыча?

— У парнишки умерла мать, — сказал Антон. — Твоя старуха заменит ему мать? Парнишка потерял отца. Ты заменишь ему отца? Постой, постой, кам¹... Не твой ли племяш виноват в гибели Толая?..

— Не кричи шибко, — ответил шаман. — Ты лучше корми своих ребятишек. А мне этого сам Ульген послал, — и схватил Очана за руку.

Антон одной рукой прижал к себе Очана, другой схватился за нож.

Люди отступили в страхе: разве он забыл, что все, добытое и найденное охотником в горах и лесах Шории, — дар Ульгена?

Одна маленькая и сухая старушка выбралась из толпы, сплунула и прохрипела:

— Ты, Антон, совсем дурак, что ли, стал?

---

¹ Кам — шаман.

Совсем забыл, как надо кама слушать. Такой жадный, что ли, стал?

— Я, люди, не стал жадным... Пусть кам возьмет все,— Антон сбросил с нарт под ноги шкурки соболей, лисиц, колонков...— Берн, кам, все, но оставь парнишку.

Старик смотрел на пушнину, колебался.

Снова вмешалась старуха:

— Отдай сынок... Так всегда было.

Старуху глухим гулом поддержали остальные. Шаман осмелел. Резко дернул Очана за руку.

Антон вспомнил слова своего друга, уполномоченного Советской власти Максима Столбова: «Ударом ножа власти шамана не убьешь».

Он убрал руку с плеча мальчика:

— Я знаю, что говорят тебе горные духи, кам... Ты всегда берешь у охотника что хочешь. Но крепко запомни, Каракам: время твое проходит. Если парнишке будет худо, у него найдутся защитники.

ОЧАН, КАРАКАМ И СТАРУХА

У шамана своих детей не было. Растили со старухой сироту из Сайги, да непокорный парнишка был, не ладила с ним старуха.

Теперь Каракам решил взять нового наследника. По глазам увидел — не пустой парнишка. Ему, подумал шаман, можно со временем открыть свои тайны. Его можно посвятить во все тонкости камлания. Из него может получиться новый заайханский кам, посредник между миром горных духов и ма-

ленькими смертными шорцами. И будет он опорой Каракаму в старости.

Дом у шамана был богатый, с высоким крыльцом, под железной крышей.

Очан с шаманом зашли внутрь. В помещении царил покой. На широкой деревянной кровати, уставив мутные глаза в потолок, лежала тучная старуха. На коврике из беличьих шкурок дремал рыжий лохматый кот. По углу русской печки полз огромный таракан.

Старуха лениво повернула свое плоское, как у совы, лицо к вошедшим и, не моргая, уставилась на худенького, в рваных штанишках, крутолобенького Очана.

— Э-эзен¹, — не выдержав, пискнул мальчик.

— Эзен, — глухо выдавила в ответ жена шамана. — Чей?

— Наш сын будет, — сообщил Каракам. — Накормить надо.

За обедом Очан согрелся. Силы прибавилось. Осмелел. С брезгливым любопытством, будто увидел какое-то мерзкое существо, посмотрел на старуху. Без страха посмотрел в глаза шаману:

— Ты, дедушка, кто будешь? У тебя почто глаза колючие?

Шаман обиделся. Помрачнел.

— Не надо так! — укорила старуха. — Дедушка большая голова!

— Я — сын доброго духа Ульгена... — таинственно начал Каракам.

— А я — Очан, сын охотника Толая, — бойко выпалил мальчик, будто боялся, что его не

---

¹ Э з е н (эзинок) — шорское приветствие.

спросят об этом.— Дедушка, а кто твой племяш?.. Антон еще о нем говорил...

Кам вздрогнул. Старуха собрала толстую кожу на узком лбу, зло заворчала:

— Ты, парнишка, дурак! Лезешь с вопросами. Дедушку слушать надо. Он шибко много знает — тебя научит... Вот так, сидиген¹, сопляк! — и больно дернула Очана за ухо.

«МОЙ УМНЫЙ ТУНМА...»

Шаман постепенно знакомил Очана со своей теорией жизни.

— Мой умный тунма², — поучал он наследника, — слушай меня и думай, кто ты есть в нашей большой и богатой Шории. Она туда-сюда раскинулась по крутым берегам быстрых рек Томи и Мрассу, Кондомы и Антропу, Кобырсу и Пызасу... На нашей земле, как богатыри, над лесами и улусами стоят самые высокие на свете горы Мустаг, Кубес, Патын и наша строгая владычица Луны Айхан. Они да глухая тайга с топкими болотами охраняют нас от плохих людей. Вот почему к нам никто не придет и никто нас...

— Дедушка, а мы не умрем, если одни жить будем? — перебил Очан, вспомнив пустые юрты Ултана и смерть матери.

— Никого нам не надо! — грубо одернул Каракам наследника. — Каждый в своей юрте хан! Запомни это. У нас есть все: и лес, и зверь, и птица, и рыба. Еще в каждой малень-

---

¹ Сидиген — сопляк.

² Тунма — ученик, младший товарищ.

кой речке золото есть. Вода по золоту, по дорогим камешкам плывет. В тайге все тропы по золоту виляют. Люди прямо по золоту ходят... Старые шорцы давно говорят: где-то на холодной стороне Мустага тяжелый камень узют-кана есть. Крепкий камень — железо делать можно. Вырастешь большой — может, найдешь. Шибко богатым будешь. Или, как я, камом будешь. Нарты по тайге таскать не будешь, а самая хорошая шкурка соболя твоя будет — охотники сами отдадут. Если умным камом будешь, шесть знатных женщин подошвы ног тебе растирать будут, семь красивых девок в голове вшей искать будут, тебя усыплять будут...

— Дедушка,— не выдержал Очан,— в улусе говорят, что ты обманщик. Гриша, которого ты лечил и сказал, что через три дня здоров будет, вчера совсем умер. Зачем так лечил?

Старик усмехнулся сухими губами:

— Мой умный тунма, на этом белом свете чего только два глаза не увидят, два уха чего только не услышат. Небо, и то не всем по душе. Однако небо рогами не проткнешь. Твердый кам от сплетни не шибко испортится. Хорошо запомни: умное вранье не хуже глупой правды. Людей всегда обманывали. Тотыш почему самый богатый бай был? Он всех обманывал. Принесет шорцу картинку на деревяшке и говорит: «Это икона. Русский бог тут. Бери, а мне давай два соболя. Выносить икону обратно никак нельзя — бога из дому прогонять нельзя: шибко накажет». За коробку спичек Тотыш белку брал. За «божью» папироску или «святой» табак тоже белку давай ему. А шорский торговец Куртугешев

еще умнее был. В улусе Осинник до Советской власти у него большие дома были. Амбары до крыши пушшиной, медом, орехом были забиты. На свои деньги русскому богу большую, всю в золоте, церковь построил. Как обманет кого-нибудь хорошо, идет к русскому богу, душу спасать. Спасет, погуляет и опять обманывает... Теперь стало трудно врать. У меня плохо стало получаться. Старый стал. А ты учись.

Очан не особо прислушивался к длинным и нудным поучениям шамана. Силу Каракама он чувствовал на себе чуть-чуть, как тонкую паутинку, которая прилипла к нему и еле-еле тянется от гниющего дерева. В свободное время он бегал по Заайхану, показавшемуся ему сначала улусом из сказки, и узнавал очень интересные вещи.

От сына дяди Антона, Сени, он впервые услышал о русском Максиме, который открывает в Шории школы и строит больницы; он узнал, что дядя Антон — большевик и заступает за бедных и что в улусе есть еще большевики; он узнал, что в тайге прячется страшный Корней и что у него в лесу какая-то «банда»... А еще в улусе часто говорили: «Вот придет новая жизнь».

«ГОРЫ, ОТКРОЙТЕ СВОИ ДВЕРИ!»

Однако новая жизнь по-настоящему еще не коснулась Очана. Скоро он уже ходил с расписным бубном за шаманом по улусам. Походка у шамана гордая, шаг твердый. Глубоко сидят маленькие глаза, взгляд их пронзи-

телен. Волосы густые, серые, длинные. Рот плотно сжат. Шаман думает. Ни ветер, ни птицы, ни звери ему не мешают. Вот на тропе обозначился глубокий свежий след медведя: почуяв сильного человека, зверь свернул в глубь тайги.

Через версту или больше лес расступился, открыв небольшой улус. В ряд стоят домики на крутом берегу Мрассу.

Зашли в старую покосившуюся избушку, где давно лежит тяжелобольной.

Каракам величественной походкой приблизился к постели, взял больного за руку, долгим взглядом поглядел в глаза. Понял: человек верит ему.

Степенно прошел кам в передний угол и сел напротив больного: не отрываясь, проникая в самую душу, смотрит и смотрит на него.

Вдоль стен на сосновых лавках в безмолвии сидит вся семья. Люди не сводят глаз с кама, следят за каждым его движением.

Молодая хозяйка наполняет самогоном чару — самодельную деревянную чашку — и дрожащими руками подает шаману:

— Прими от нас, кам.

Шаман сдержанно отпивает глоток.

Очан ударяет в бубен. Кам торжественно передает чару ближнему из присутствующих. Чара медленно обходит круг и пустой возвращается к Каракаму. Молодая хозяйка принимает ее от шамана и взамен передает небольшой головной платок.

Кам приступает к таинству. Взмах платком — и следуют краткие возгласы, отрывистые движения, удары в бубен.

Кам тяжело, с хрипом, три раза вытягивает в себя воздух и громовым голосом требует:

— Духи, откройте двери гор!

Духи гор сопротивляются: двери остаются закрытыми.

— Горы, откройте свои двери! — приказывает шаман. Он злится. Яростно скачет. Вихрем кружится по избе. Выкрикивает бранные слова. В исступлении падает на колени, вздымает вверх руки и под удары бубна угрожает духам гор...

Наступает пауза. Все ждут, затаив дыхание. Вскочив на ноги, Каракам победоносно объявляет:

— Горы открыли свои двери! Мои духи, духи исцеления, гоните вон духов болезни!

И шаман зверем прыгает к больному, изо всех сил, со свистом, три раза дует ему в ухо.

Очан часто, точно, ловко ударяет и ударяет в бубен.

Довольная хозяйка, посмотрев на повеселевшего мужа, подает шаману уже полный туесок самогона и метелку из сухой травы.

Кам, взяв себя в руки после всех неистовств, спокойно, загадочно опускает метелку в самогон и обильно брызгает по избе на все четыре стороны.

Побрызгав, наливает в чару, жадно выпивает несколько глотков — и посылает по кругу вместе с туеском.

Все начинают негромко петь, сдержанно стучать ногами. Каракам с силой топает ногой:

— Злые духи ушли! — Обращаясь к горам Шории, повелевает:

— Горы, закройте свои двери!— И объявляет больному:

— Через три дня, Архип, здоров будешь!

МАКСИМ СТОЛБОВ

Уполномоченный Максим Столбов, выполняя задание партии по строительству новой жизни, шестой год неделями, а то и месяцами подряд ходил по улусам южной Шории. За его плечами была «одна большая и тыща попутных забот». Ни днем, ни ночью, ни в дороге, ни в душных и грязных жилищах охотников не оставляла его одна дума. Это была дума о школе. Максиму хорошо было известно то, о чем с тревогой писала «Учительская газета»:

«Кузнецкий юг, населенный татаро-шорской народностью,—это огромный угол района, пребывающий во тьме и невежестве. Здесь еще до сих пор сильна власть шамана, а также имеет место влияние бывших миссионеров. Вот почему недавний шорский съезд учителей сосредоточил на вопросе народного образования исключительное внимание...

Признано, что местное шорское учительство еще далеко от марксистско-ленинского мировоззрения и нуждается в переподготовке. Местные школы, избы-читальни, ликпункты размещены в плохо приспособленных помещениях, дети полураздеты, грязные и голодные...»

Максим Столбов открыл несколько школ в Шории—в домах бывших баев, в амбарах торгашей. По настоянию Столбова начали

строить школу в Курентаге. Улус был не маленький и не из бедных, но дело продвигалось медленно.

По знакомой тропе Максим Столбов очередной раз шел в Курентаг. Недалеко от перекрестка Курентаг — Заайхан встретил мальчика лет девяти. В замызганной рубашке, в плохоньких штанишках, с открытой головой тот мчался за бурундуком.

— Ты чей?— спросил Столбов маленького охотника.

— Ничей,— бойко ответил мальчик.

— А как тебя зовут?

— Очан. А тебя как зовут?— Очан почувствовал в большом человеке доброту и смело смотрел на него.

— Максим. Максим Васильевич. А ты, герой, не боишься один по тайге шастать? Медведю в лапы попасть? Видел, какие у него когти?

— Видел. Дядя Антон недавно показывал.

— Какой это дядя Антон?

— Абу-у!.. Дядю Антона не знаешь!— удивился Очан.— У него еще Сеня есть, Белая Лапка, собака, есть.

— Теперь знаю,— Максим от души любовался мальчиком.— Выходит, ты из Заайхана. Далековато забрел. Смелый, видать.

— Ты тоже смелый, видать.

— Я, Очан, большой, и у меня, видишь, какой нож.

— Апшак¹ тоже большой. У него, знаешь, какие когти? Острее ножа.— Очан, догады-

---

¹ Апшак — старик. Так шорские охотники называют медведя.

ваясь, что перед ним тот самый русский Максим, о котором рассказывал Сеня Тортумашев, становился все доверчивее.

— Медведь меня, Очан, не тронет. А ты один по тайге не ходи.

— А я не один. Я с дедушкой. Пошли, покажу.

МАКСИМ И КАРАКАМ

Каракам сидел на трухлявой колодине, рядом с гнилым пнем, из которого росла чистая, веселая, годиков семи пихточка.

— Здравствуйте, кам,— Столбов присел рядом. Очан примостился напротив, на плоском камушке.

— Эзенёк, Максим,— глухим голосом ответил Каракам.— Куда тебя русский бог несет? Может, к нам в Заайхан идешь?

— В Курентаге дело есть. К вам — завтра зайду. Как здоровье? Давно не встречались.

— Узкая тропа в тайге всегда к хорошим словам ведет, — поблагодарил Каракам. — Здоровье мое ничо. Жить маленько можно. Только дружки твои мешают. Ты тоже мешаешь. Всю мою жизнь ломаешь. Ругаешь меня принародно. Прошное лето ругал? Шибко ругал. Я молчал. Долго не камлал. Теперь опять камлаю... Не буду камлать, кто людей лечить будет? Где твой дохтур? Нету. Получается, ты обманщик. Где твоя хорошая коммунизма? Нету. Как у попа рай. Я так не говорю. У меня рая нету, коммунизма тоже нету. У меня есть тайга, горы, реки, а там — звери, птица, рыба есть. Ходи, стреляй, лови — хорошо жить будешь. Обмана нету.

— Я разве говорил когда, что коммунизм вот тут, за этой горой?— Максим показал рукой на Айхан.— Я разве когда-нибудь сказал: «Горы, откройте свои двери и пустите нас в коммунизм?» Не говорил. Это твои, кам, злые выдумки. Всему миру сказано, что коммунисты России нашли верную дорогу к счастливой жизни. Не сбиться бы только в пути. А ты, кам, сбиваешь. С правильной дороги людей сбиваешь.

— Говори, говори. Одна головешка дымит, два головешка горит. Говори, в чем твоя правда.

— Тогда слушай еще. Золото, железо в горах, звери, птицы, орех, ягоды в лесу, рыба в реках— все на земле и под землей не твое и не мое— народное. Жить надо справедливо. Сам говоришь, кто много ходит по горам, тот хорошо живет. Правильно говоришь. А вот ты, Каракам, на охоту не ходишь, на прииске землю не копаешь, камни не ворочаешь, а в твоём амбаре— пушнина: соболь, лисица, белка. Золотишко имеешь. Откуда? Обманом нагреб. Так жить, кам, нельзя. Коли не хочешь, чтоб тебя за обман ругали, перестань людям голову морочить...

Очан слушал разговор, понимая, что идет жаркий спор и что Максим побеждает.

Такого расположения, как к этому большому, сильному человеку, Очан еще ни к кому не испытывал.

НЕПРИЯТНЫЙ ГОСТЬ

Шаман и наследник пришли домой поздно вечером. Старуха встретила их на крыльце.

— У нас гость,— сообщила она Каракаму.— Давно тебя ждет.

— Кто?— строго спросил шаман.

— Хромой какой-то. Говорит, прислал его наш племянник Корней.

Каракам твердо вошел в дом, хмуро поздоровался с гостем, посмотрел в глаза: не понравились — бегают туда-сюда. «Глупый и нечестный»,— оценил кам и, кивнув старухе, подсказал:

— Парнишке спать надо. Нам арачку дай.

Каракамиха, цыкнув на мальчика, выставила на стол чуть не полную четверть самогона, конину, лепешки — и завалилась на свою широкую кровать.

Очан расстелил на полу в другой комнате медвежью шкуру, улегся и с любопытством стал прислушиваться.

Чем больше пили, тем громче говорили. Хромой хвастался, что живут они с Корнеем весело, богато, что всякого добра у них на сто лет хватит.

— Награбили! — неуважительно оборвал Каракам.— Чужим добром хвастаешь, над чужим горем радуешься! Говори, стерва, зачем пришел? Беду принес?

— Зачем беду? Корней приказал...

— Что приказал? Кому приказал? Мне приказал?— распаляясь, кричал кам.— Что молчишь? Говори, говори!

— Русский Максим шибко мешает нам. В Сайге пушнину алтайского купца отобрал. Заготовителя Сыркашева кое в чем подозревает... Корней приказ дал...

— Ну! Что рот закрыл?

— Убить надо Максима.

— Абу-у! — удивленно, с тонкой нотой одобрения протянул Каракам. — Однако ко мне зря пришел. Я убивать никого не буду. Сам знаешь, бык зайца догонит в котле.

— Корней такой приказ дал, — твердил бандит. — Он сейчас главный в Заайхане. Ему подчиняться надо.

— Ты подчиняйся. Я дуракам не подчиняюсь.

— Про Толая, однако, ты насоветовал... Забыл? Корней сказал, чтобы ты мне помог. Ты знаешь, где сейчас русский Максим?

— Завтра из Курентага в Заайхан прямушкой пойдет. Вот, встречай, — Каракам ехидно хихикнул. — Если от твоих штанов шибко не запахнет, может, убьешь.

— Не пугай, старик... Еще Корней тебе записку прислал. Ты грамотный, что ли?

— Давай...

Шаман долго мусолил помятый лист бумаги и, когда дошел до конца, вслух подумал:

— За границу? Зачем за границу? Кто вас там ждет?

— У кого есть золото, того везде ждут, — важно ответил поддужный Корней. — Мне твой племяш говорил, что у тебя тоже золото есть. Может, с нами удирать будешь? Тебя со старухой взять можно.

— До перевала? — старик горько усмехнулся.

— Зачем так плохо говоришь? Племяш тебя вон как уважают. Старуху твою тоже уважают.

— Врешь, стерва! — вспыхнул Каракам. — Вам наше золото надо, соболь надо!

— Корней сказал, что тебя здесь живьем сожрут.

— Не сожрут! Свою башку береги!— у шамана возникла жестокая мысль. «Только не сегодня. Пусть убьет Максима». И, сдерживая себя, шаман добавил:

— Меня в Заайхане уважают. Старуху берите за границу. Моей старухе там пойдет жить...

Когда все заснули, Очан бесшумно, ползком, добрался до ружья с небольшой сумкой из шкуры дикой козы, в которой были патроны с пулями для русского Максима. Проверил ружье: не заряжено. В сумке — с десяток приготовленных к «охоте» патронов. Очан передохнул, преодолел волнение и, овладев собой, исполнил задуманное.

ГОРШОК С ЗОЛОТОМ

Утром, после ухода Хромого, Очан услышал обрывки разговора Каракама со старухой.

— Надо пушнину Советской власти сдать. Так, однако, правильно будет,— твердо сказал шаман.

— Можно сдать,— согласилась Каракамиха.— А золото в другое место спрятать надо.

— Можно спрятать,— согласился и шаман.— В огороде, у камня, закопаем...

Через четверть часа Очан поднялся с мягкой шкуры, на цыпочках подошел к массивному косяку окна и посмотрел на огород.

В утреннем тумане, возле торчащего, как клык, камня, шаман копался у грядки с лу-

ком. К нему подошла с тяжелым ведром жена. Старик вынул из ведра горшок, обмотанный тряпками, и опустил в землю рядом с камнем...

РЫБАЛКА НЕ ПОЛУЧИЛАСЬ

Позавтракав, Очан ушел рыбачить. Но рыбалка на этот раз не получилась. Очан думал о другом. Никогда еще так крепко Очан не думал: мысли стучат в лоб, колотят в виски... Где Хромой? Жив ли Максим? Разве дедушка тоже виноват в смерти его отца? Что за дорогие камушки? Он вспомнил слова Максима: «Золотишко имеешь. Обманом нагреб». Может, Каракамиха с Корнеем за границу их увезут? Куда это — за границу?

Рыба давно стянула червя с крючка, но Очан ничего не замечал. С кем поговорить? Сеня Тортумашев иногда помогает ячень молотить... Про Максима рассказывает... С Сеней поговорить?

Когда Очан возвращался с неудачной рыбалки, у высокой, далеко выступавшей в реку Утюг-горы его остановила смелая мысль. Около этой горы из-за большой и беспокойной глубины никто не купался. Он на спор с заайханскими парнями один раз нырял в эту яму. Дно достал, но ничего не поднял для доказательства: дно омута сплошь было покрыто крупными камнями.

Парни не поверили, что он добрался до дна. Так у всех и осталось в сознании, что яма эта — бездонная, что живут в пропасти одни узют-каны, потому и вода в ней бурлит.

Похитить горшок и опустить его в этот омут— вот чем закончились необычные размышления Очана.

Он вприпрыжку выскочил на торную проселочную тропу и увидел знакомую женщину. Та шла из Курентага и плакала.

— Тетя Марфа...

— Беда, Очан... Большая беда. Русского Максима плохой человек убил.

— Убил?! Это правда?!

— Правда, Очан, правда. Сама видела. Пять раз прямо в грудь Максиму стрелял. Сама все видела.

«СТОЙ! СТОЙ, МАКСИМ!»

Хромой расстреливал Максима в упор. В роковое это мгновение мелькнула у Максима мысль спастись от пули, бежать, но тут же другая перекрыла ее: «Стой! Стой, Максим!»

И Максим стоял. Стоял, не показывая тупой спины и слепого затылка.

А после третьего выстрела разрядился сам: оглушительно, на всю тайгу захохотал.

Бандит, недавно опроставший, видимо, бутылку сивухи, понял Столбова по-своему и, путаясь в бурьяне, бросился бежать. Где-то на тропе послышался визг женщины, топот: очевидно, она убегала в страхе.

Потом все стихло. Будто ничего и не было.

«Не вздремнул ли я»,— подумал уполномоченный о дурной встрече и продолжал стоять. Он словно забыл, в какую сторону надо идти. Постоял, тряхнул головой — и вяло потянулся в Заайхан.

МАКСИМ, ЗМЕЯ И РЕЧКА СВЕТЛАЯ

Тропа вывела Столбова на высокую, залитую солнцем гриву, а затем, повиляв вокруг жестких кустов акации, круто повернула вниз. Максим Столбов спустился в глубокий лог. Было что-то исцеляющее, животворное во всех проявлениях мира нетронутой тайги.

Столбов услышал одинокий, вежливо приглашающий голос рябчика:

«Сси-с-и-ить!»

Никого не боясь, по тропе пробежал бурундук. Флегматичная копылуха, шумя хвоей, замедленно поднялась со старого кедра и грузно полетела вдоль лога.

Максим видел все как будто впервые. По дну лога, пробираясь сквозь кустарник и густой бурьян, ныряя под завалы бурелома, ловко обходя каменные выступы, бежала к своей цели маленькая речка Светлая. Она была чиста, быстра и неутомима.

Столбов присел у самого берега на толстую колодину. Рядом раздалось шипение: двойным кольцом расположилась на колодине большая черная змея. Голова ее была приподнята. Змея повернула голову к Максиму и, будто зная о его минувшей беде, принялась, сочувствуя, ритмично кивать. Столбов удивился змеиной мудрости и посмотрел в ее чистые спокойные глаза. Она не отвернулась, а в ответ высунула тонкий язычок и что-то прошептала.

— Вот это да! — опять удивился Максим. — За что же на тебя, красавица, много плохого наговаривают?

Чернокожая опять приоткрыла ротик и,

покачив язычком, снова что-то прошептала.
«Объясняется», — подумал Максим...

Между тем, в каких-то десяти шагах от Столбова появился крупный марал. Он зашел в воду и пил, изредка отрываясь и прислушиваясь. Утолив жажду, марал перемахнул речку и скрылся в темном пихтаче.

Пора!

Столбов зачерпнул пригоршню холодной воды, без особого удовольствия выпил на пустой желудок и влажными руками провел по небритому лицу.

Неуклюже перебрел он каменистую речку и тяжело пошел в гору — из мира удивительных и не нуждающихся в человеке существ в трудный мир людей.

ВСТРЕЧА НА ТРОПЕ

Очан поверил Марфе: ведь мог же ночью, в спешке, какой-нибудь патрон не разрядить... Вихрем примчался он в дом шамана, снял в кладовке ружье, выбрал в сумке пару патронов на медведя.

И с тяжелым ружьем во весь дух пустился разыскивать Хромого.

Медленно идущий, вроде бы прихрамывающий человек обнаружился на тропе, выводящей из глухого лога. К Заайхану идет — понял Очан. Сторонкой подкрался он поближе, затаился в кустах, держа наготове ружье...

Человек должен был поравняться с Очаном... Да это же не Хромой! — увидел Очан. — Это же дядя Максим!

Мальчик зашевелился в кустах, захрустели сучья под ногами.

— Кто идет? — остановился Столбов.

— Это я, дядя Максим! Это я!

— Кто — ты?

— Очан я... Помнишь? — Очан выбрался на тропу. Максим с удивлением смотрел на маленького шорского мальчика с огромным ружьем.

— Что ты здесь делаешь?

Очан бессвязно передал разговор Хромого с Каракамом, рассказал о том, как ночью повытаскивал пули из патронов Хромого, как сегодня встретил тетю Марфу...

И, рассказав это все, Очан вдруг зашмыгал носом.

— Я не хочу туда... Старуха злая, ругает, бьет... Плохо мне там...

— Ладно, браток, не плачь. Спасибо тебе за все. Я перед тобой, ясное дело, в вечном долгу. — Столбов прижал к себе мальчика. — Сейчас беги домой. А потом что-нибудь придумаем... Хочешь, возьму тебя к себе, будешь расти с моими ребятами?

«НЕВЕСЕЛО, ВИДАТЬ, ТЕБЕ, ДРУЖКА...»

Вечером в дом шамана, задыхаясь, ввалился Хромой. Очан уже спал на медвежьей шкуре, но вдруг проснулся в страхе. Сердце застучало так, что старому Каракаму могло быть слышно.

Но шаману было не до наследника.

— Зачем опять пришел?— недовольно спросил он бандита.

— Тебе слово сказать надо. Что делать, никак не знаю,— виновато и трусливо ответил Хромой.

— Говори, если есть слово.

— Русский Максим, однако, шайтан,— пожаловался убийца.— Прямо в лоб стрелял, в грудь ему стрелял. Он сто-и-т. Смеется еще.

— Я тебе, паршивый собака, что говорил!?— зарычал шаман.— Максим страшнее апшака. Глаза прямо в душу бьют. А ты— поганый трус! Испугался. Теперь: шайтан, шайтан! Уходи! Сам знаешь, что мне за тебя будет. Уходи.

Гость, не высказав своих намерений, исчез.

Каракам задумался. Завтра Максим все узнает... Хромой далеко не пойдет: приказ Корнея выполнять надо... Коммунист Тортумашев весь Заайхан поднимет, поймают Хромого. Паршивый собака все расскажет. Про всех...

Каракам принял решение. С тем же самым ружьем, которое в этот день таскал по лесу Очан, он пошел следом за Хромым.

В полверсте от улуса бандит уселся было на трухлявый пенек. Повертел головой— и перешел на другой, подальше от тропы. «Хорошо сидит»,— подумал кам о госте, как о рябчике.

Хромой снял с плеча ружье, оперся на него, замер.

«Невесело, видать, тебе, дружка,— подумал Каракам.— Все потерял, а что нашел? Смерть нашел. Ты больше никому не нужен.

Лучше один умри, чем всем нам в тюрьму садиться».

Шаман мягко, беззвучно, как опытный зверь, сделал несколько шагов и хладнокровно выстрелил Хромому в затылок.

Хромой будто ждал этого. Он спокойно, без стога, свалился с пня, придавив ложе ружья, и захрипел.

ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ

Был уже вечер, когда Максим Столбов зашел к своему заайханскому другу Антону Тортумашеву.

В Антоновой избе царила безжизненная, деревянная тишина, хотя изба была полна народу.

На широкой лавке сидели член партии местный кузнец Мирон Никанорович Топаков, родственник Антона коммунист Трофим Отургашев; старший сын Антона Сеня и сам хозяин, лучший охотник улуса Антон Тортумашев.

К печке жались: самая бедная в Заайхане многодетная страдалица Марфа Токмашева, худенькая, с непокрытой головой мать Антона и его жена с младшими ребятишками.

Все странно воззрились на вошедшего Столбова, и никто не отозвался на его приветствие. Только Марфа прошептала в страхе:

— Шайтан!— и выскочила на улицу.

— Почему такие невеселые?— с недоумением улыбнулся Максим.

— Ты ли это, брат?— Антон, наконец, крепко обнял друга.— Живой, значит...

Вмешалась мать Антона:

— Ты пошто это, сын, по тайге-то без ружья ходишь? Про мою седую голову совсем не думаешь, старое сердце не жалеешь.

— Да что случилось?

— Что случилось! Вон Марфа сама видела, как тебя у Кривой сосны убили. Мужики вот собрались, хотят бандита поймать.

— Марфа Григорьевна, к моему счастью, маленько ошиблась,— улыбался Столбов.

— Абу-у!— протянула старушка.— Ты, сынок, что ли, Ульген?

— Какое там...— отмахнулся уполномоченный.— Давайте лучше поговорим о делах.

— Плохие дела, Василич,— сказал Тортумашев.— Надо бы закрытое собрание сделать. Женщины поняли, вышли с детьми из избы.

— А ты, Семен?— обратился Антон к старшему сыну.

— Он нам не помешает,— сказал Столбов.— По поручению райкома я должен вручить Тортумашеву Семену Антоновичу комсомольский билет.

Максим Васильевич показал всем маленькую книжечку.

— Будь достоин, Семен, высокого звания. Комсомолец!

— Возражение присутствовать Сеньке на собрании коммунистов есть?— волнуясь, спросил Антон.

— Нету возражения,— ответил кузнец.

— Нету возражения,— поддержал Трофим Отургашев.

Собрание поручили вести кузнецу.

— Вот что,— твердо сказал председатель собрания,— Корней тут опять с дружками шныряет. Контрабанду развел. Людей убивает. Пожар в улусах делает. Грабит. Вопрос такой на повестке дня: «Надо поймать бандита». Прибавки какие есть?

— Прошу, товарищи, внести еще один вопрос,— сказал Столбов.— Вопрос о больнице. Почему в Заайхане больница не строится? Люди слепнут от трахомы, умирают от чахотки, зовут на помощь шамана, а коммунисты только руками разводят...

— Надо бы, Василич, дохтура нам прислать,— оправдывался Отургашев, которому еще год назад было поручено заготовить и подвезти на место строительства лес.

— Врач будет,— сказал уполномоченный.— Но он один больницу не построит. Лес-то хоть заготовили?

— Бревна маленько есть. Доски надо пилить...

— Пильщиков и плотников после страды направлю. Да и сами действуйте. После больницы клуб надо строить. Хватит проповеди попа слушать.

— Попа у нас больше нету,— сообщил Антон.— Ризу, кадило, крест, все свое добро на дверь повесил и ушел. На крест вот еще бумагу прицепил — тебе бумага,— Тортумашев отогнул на углу стола клеенку, подал Столбову исписанный лист.

Уполномоченный прочитал:

«Максим! Все это хозяйство передаю тебе по наследству. Я понял: мое время кончилось. Я что мог сделал для сближения шорской души с русской. Пусть сделает больше — могу-

щий. *Передай от меня Каракаму, что по вере и правде ему следовало подохнуть давно. Пусть благодарит своего Ульгена, что я щадил его. А ныне я прошу: Бог всемилостивый, укрепи мой дух и меня возвысь над скорбной суетой. Земной поклон всем плавающим и мя помнящим.*

Подпись:

Никто как Бог, а я Макар — пророк его».

— Поселите в дом священника Марфу Григорьевну с детьми. Не откладывайте, — распорядился Столбов. — И беритесь дружнее за строительство больницы. Пусть весь улус одно дело делает... Давай, Мирон Никанорович, второй вопрос.

— Тебе слово, Антон Архипович, — сказал председатель собрания.

Антон поднялся:

— Корней совсем бешеный собака стал! Как зверь на людей бросается. Тебя вот, товарищ уполномоченный, тоже, однако, Корней стрелял. Уничтожить зверя надо. У меня все.

— Не знаю я, товарищи, Корнея, а этого заметил: немного вроде прихрамывал.

— Хромой? — удивился Трофим Отургашев. — Он далеко от Заайхана не пойдет... Этого зверя я знаю... Ловить его сейчас надо...

— Надо узнать, где вся банда скрывается, — заявил Тортумашев. — Яша Шелтреков на Карасу был, в каменную дыру, где Корней пушнину прятал, смотрел. Пушнины нету. Корнеевы мертвые дружки лежат там. Следы зверь замечает. Хромому тоже конец будет. Яша, однако, Корнею конец сделает.

— Корней нужен живым, — сказал Стол-

бов.— Надо узнать связи и всех судить. Убивает Корней ненадежных...

— Кончать собрание надо! — нервничал Трофим Отургашев.— Поймать Хромого надо. Я счас охотников соберу.

В эту минуту на пороге неслышно, как призрак, появился и стал Каракам.

Все разом смолкли. Каракам пронзительно уставился на Столбова.

— Пришел сказать тебе, Максим,— хладнокровно и продуманно сообщил он,— что я убил твоего врага.

— Кого же?— спросил Столбов после некоторой паузы.

— Того, кто хотел убить тебя. Теперь ты знаешь, кто тебе друг.

— Это ты, кам, зря сделал!— жестко упрекнул Столбов.— Советская власть запрещает беззаконие.

— Лучше враг мертвый, чем живой,— уверенно оправдывался шаман.

— Лучше, когда совсем нет врагов. А этого можно добиться не самосудом...— оборвал Столбов и вдруг понял:

— Ты хитрый старик! Трупом одного бандита пытаешься прикрыть всю банду! Пока можешь быть свободен.

Каракам больше не сказал ни слова. Все заметили, что после слов уполномоченного он сник, обреченно сгорбился, опустил голову. Вышел шаман, тяжело переставляя ноги, совсем не так, как зашел.

«НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПРО ОЧАНА»

Из Заайхана путь Столбова лежал в Ортон. Прощаясь с заайханскими коммунистами, уполномоченный обратился к кузнецу:

— Мирон Никанорович, помоги, дорогой. Ты твердый человек, рабочий класс в Заайхане. У шамана парнишка живет — Очан: присматривай за ним, не давай в обиду.

И комсомольцу Сене Тортумашеву Столбов наказал:

— К тебе, Семен, большая просьба: береги Очана.

И всем сказал:

— Не забывайте про Очана.

КРАСИВЫЕ КАМУШКИ

В доме шамана воцарилась тоскливая скука. Прекратились походы на «исцеления». Каракам был явно чем-то угнетен. Подозрительная Каракамиха, не доверяя даже старику, днем и ночью присматривала за кладом.

Очан, между тем, искал случая похитить горшок. Он рассудил, что если красивые камушки так шибко нужны Хромому и Корнею, Каракаму и Каракамихе, то, значит, они пригодятся и другим, бедным людям, в Заайхане.

Раз так, камушки надо спрятать получше. Наконец случай вроде бы представился. К Каракаму приехал заготовитель пушнины Кирьян Сыркашев:

— Звал? Что сдать хошь? Может, другой разговор есть?

— Сам знаешь, как люблю Советскую власть,— лукаво ответил шаман.

— Знаю... Не криви душой, выкладывай.

— Моя душа не крива,— обиделся старик.— Твоя душа крива.

— Доказать надо,— огрызнулся Сыркашев.

— Я доказать могу. Сколько соболей у Шулбая описал? Сто семьдесят три. А сколько Советской власти дал? Двадцать паршивых шкурок дал? Я все знаю. Двести пудов ореха, семь бочка меда в Томск плавил? Четыре больших плота кедрача весной в Кузнецк плавил? Обратно сколько золота привез? Советской власти почто не дал золото? Бумажки красивые не берешь. Красивые камушки тебе подавай. Стерва.

— Хватит, старик, уймись.

— Не хочешь честно, Максиму все скажу,— угрожал Каракам именем того, кого сам больше всех боялся.

— Не кричи шибко,— струхнул заготовитель.— Не бойся, тебя не обижу. Показывай, что накопил.

— Что накопил... Белка немного есть, лиса, два-три соболя есть...

— Ха! Два-три! — воскликнул заготовитель.— Да у тебя двести-триста! Сгноить хочешь?

— Не ори. Зачем зря болтать? Ты бы, Кирия Рофеич, мне маленько золота за соболя дал.

— Хороший соболя есть — дам, за плохого — не дам.

Шаман успокоился, позвал старуху, и они втроем ушли в амбар сортировать пушнину.

Очан знал, что старики долго будут торговаться с заготовителем. Он знал, что они бу-

дут спорить, рядиться, ругаться, мириться, пить араку, а то и русскую водку...

Как только торговая компания скрылась в амбаре, Очан с торбой под мышкой шмыгнул в огорд.

Там он раскопал закутанный в тряпки горшок и, прижимаясь к земле, в торбе перенес его за ограду, в высокую крапиву.

На обратном пути, отряхнув со штанов глину, заглянул в амбар. Шумная торговля была в разгаре. Никто не обращал на него внимания. Мальчик постоял у двери, выждал, пока шум не стих, попросился:

— Дедушка, я пойду рыбачить?

— Иди, иди! — отмахнулась Каракамиха, пересчитывая за ловким заготовителем шкурки соболей.

— Иди, не мешай тут, — прошипел шаман. Скоро с небольшим переметом и с горшком в торбе, Очан был уже возле приметной скалы. Скала была похожа на огромный утюг, который беспрерывно гладил широкую ленту плывущей под него реки. У основания скалы выступала большая плита. Под нее Очан и должен был опустить золото.

Стояла тишина. Мальчику захотелось посмотреть на красивые камушки и маленько взять. Поиграть. Он не спеша размотал грязные тряпки, развязал на горле горшка облезлую клеенку и высыпал на нее разной формы самородки.

Золото было чистое. Играя с рекой и солнцем, оно весело поблескивало. Отобрав пяток ярких камушков, похожих на рыжих таракашек и солнечных жучков, и смочив «букашек» водой, Очан стал переключивать их из одной

ладони в другую. Он так увлекся этой царской игрой, что не сразу услышал за спиной грубое тарахтение галечника.

Очан оглянулся — никого нет. Быстро собрал золото в горшок; завязал крепко и... от сильного, хотя и мягкого толчка полетел вместе с горшком в воду.

Опустив горшок, Очан всплыл. От берега, довольно урча, покачиваясь на коротких лапах, уходил за скалу медвежонок.

Очан поругался на косолапого шутника, выжал одежду и отправился в Заайхан.

«О КУДАЙ, КУДАЙ!..»

Пробиваясь сквозь глухие леса, минуя скалистые горы, изредка отдыхая в зеленых долинах, скитаясь по темным ущельям, спешит своим путем голубая Мрассу. С каждой волной река приносит в Заайхан все новые радостные вести про грозу, прогремевшую над великой Россией, про утихшие боли и первые обновления.

Только Очан все еще не видит счастливых перемен: заслонили ему свет и жизнь старые Каракамы. А в последние дни в старуху, словно шалыга, бес, вселился. С утра до вечера она шипит, шипит. И всему виной — мертвая голова. Возвращалась как-то старуха из лавки, видит: на берегу реки люди собрались, о чем-то громко, оживленно толкуют, будто у них радость какая.

— Наталья, что так громко кричите? — спросила Каракамыха у одной из самых звонкоголосых женщин.

— Ты разве не слышала?— отвечала шустрая, с острыми глазами шорка Наталья.— Корнею-то его дружка голову отрубил и в грязной торбе носит. Всем показывает. Здесь тоже показывал. Как живая гляди-и-т. Маленько страшно.

— Это правда?— в горьком сомнении спросила старуха.

— Правда, правда,— подтвердила словоохотливая женщина.— Вон хоть у Марфы спроси. Она тоже видела человека с торбой...

— О куда! куда!¹—не дослушав Наталью, возопила Каракамиха.— Зачем ты отнял у нас защитника? На кого теперь надеяться? Старик слабый, совсем дурак стал, я больная, бедная сирота; Очан совсем чужой, неслушник...

В стороне от всех Каракамиха опустила на толстое полусгнившее бревно у высокого берега Мрассу.

Река в этом месте течет спокойно, бесшумно, но сильно. Она как будто утверждает: меня не остановить, я все равно дойду до своего завершения, все равно донесу свои воды до больших вод...

Старуха не понимала Мрассу. Она видела только мутную, малоподвижную часть ее у самого берега. Основной поток закрыли от нее обида и озлобление за гибель Корнея.

Красивая голова сильного молодого племянника валяется в чьем-то грязном мешке?

А всего месяц назад Корней в раздутых по бокам штанах, заложив здоровенные руки за спину, гордо расхаживал по их дому, и,

---

¹ К у д а й — бог.

сверкая злыми глазами, изрекал план расправы с Советской властью...

Где же он? Темное лицо старухи уродливо искажалось, она плакала. Откуда-то подошел заметно хмельной Каракам:

— Ты пошто тут сидишь? Пошто слезы?

— Ты, старый дурак, не знаешь, что ли, — Корнея-то убили! — прорыдала старуха.

— Сбесилась совсем, однако, баба! В ту субботу Матвея из Картайги сам в лавке видел: водку Корнею брал...

— В субботу водку пили, воскресенье пришло — Корнею голову отрубили. Все дружки, как крысы, разбежались. О куда, куда!..

Каракам протрезвел. Непривычный страх охватил его. «Не в ту сторону шел Корней... — подумал шаман. — Против огня и камень треснет».

— Хана пришла, баба, — заключил кам. — Очана не шибко-то обижай. Наш спаситель будет. Сама знаешь, Толай против Колчака бился... Мы его сына кормим, одеваем, жаледем...

— Не люблю парнишку. Шибко не люблю, — призналась Каракамиха. — Совсем чужой стал. Пришибу!

«РУБИ ДРОВА, НЕСИ ВОДА, МЕЛИ ЯЧМЕНЬ!»

Теперь Очан только и слышал от старухи:

— Эй, сидиген! Руби дрова, неси вода, мели ячмень! — и все приказания с подзатыльниками. А когда входила в раж, кричала с визгом:

— Эй, сидиген!.. Бей, дуй самовар, пол мой, беги амбар!..

Особенно она мучила мальчика работой на ручной мельнице из двух каменных плит. За день взрослый шорец смалывал на такой зернотерке фунтов пятнадцать. Каракамиха же от ребенка требовала смолоть ведро ячменя да еще давала множество других поручений. В конце дня все дела Очана придиричиво проверяла. Совсем плохо было бы Очану, если бы не помогал ему иногда Сеня Тортумашев.

ЗОЛОТА У НИХ БОЛЬШЕ НЕТ

Каракамихе взбрело в голову проверить свой горшок. Подошла старуха к большому камню в огороде — и показалось ей, что все здесь как-то не так. Екнуло дряхлое сердце, опустилась старуха на колени и, ломая ногти, стала яростно выбрасывать из ямки землю. Горшка не было.

Нашла шамана. Старик спокойно выслушал, недоверчиво посмотрел на жену — не лукавит ли? — взял штыковку и — к пустой яме. Копать не пришлось: видно и так, что золота у них больше нет.

— Очан! — вырвалось у старухи.

— А не Сенька ли Тортумашев? Он все шныряет тут, — возразил шаман.

— Очан! — стонала старуха.

— Не ребячьего ума это дело, — чувствуя свою ответственность за воспитание наследника, защищал Очана шаман.

«ОДНИ КОСТОЧКИ ОТ ТЕБЯ ОСТАНУТСЯ!»

Очан крутил ненавистную зернотерку, когда к нему в амбар спокойно вошел Каракам. Старик подсел к наследнику на коротенькую скамейку и доброжелательно спросил:

— Ты, однако, шибко устал?

— Нет, дедушка, не устал,— не признался мальчик.

— У тебя вчера Сенька Антонов был? Он хорошо помогает тебе ячмень молоть?

Очан смутился, опустил голову, промолчал.

Шаман хотел продолжать допрос, но в это время вошла старуха и с порога громко заругалась:

— Ты, сидиген, что копал в огороде?

— Ничо не копал!— ошетинился наследник.

— Не кричи, баба. Может, Антонов Сенька взял,— гнул свое старик, устраивая ловушку для Очана.

— Я сбегаяю к Сене. Если взял — отдаст,— Очан соскочил со скамейки.

Шаман, дернув мальчика за руку, усадил его на место и, словно захлопнув капкан, подтвердил:

— Отдаст! Пошто не отдаст? А что отдаст? А? Говори, говори! Что отдаст?

Очан молчал.

— Молчишь?— сказал шаман.— Сиди здесь. Мы пойдем, а ты сиди здесь. Сам знаешь, какие крысы в амбаре. Не скажешь, где золото, одни косточки от тебя останутся.

ИЧИЙ

Сколько ни торкался Очан в запертую дверь, она не поддавалась. И никто извне вообще не отзывался на его стук.

Обессиленный Очан сидел на скамейке в темном амбаре и неопределенно чего-то ждал. Долго ждал. Истомился. С утра ничего не ел... Клонило ко сну...

...Опять ичий пришла. Очан обрадовался матери. Она приходила к нему и раньше. Особенно часто бывала в первые дни жизни у шамана, но являлась во сне все по ночам. А вот так еще не было.

Очан приподнялся, протянул к матери худенькие, измученные зернотеркой руки. Мать стояла перед ним, не касаясь пола, в воздухе. Лицо ее сияло. Глаза излучали радость, покой, счастье. Очан помнил: такой она была когда-то давно, когда они вместе собирали по берегу Мрассу луговые цветы...

— Ичий, возьми меня к себе,— попросил Очан.— Мне шибко плохо тут.— Он шагнул к матери, но она вдруг исчезла, ничего не ответив. В амбаре снова стало тихо, темно и страшно.

КАРАҚАМИХА ЖДЕТ НОЧИ

Весь уклад жизни старого шамана разрушался. Все у него отняли: камлания, племянника, золото... Даже Очана, из которого он рассчитывал вырастить наследника, неумолимое новое время повернуло против него. Как жить?

— Пойду в Картайгу,— сказал шаман старухе.— Надо хорошо узнать про Корнея. Ты смотри за амбаром. Сенька Антонов опять возле дома вертелся. Что-то здесь нечисто.

— Пришибу Очана!— твердила ополоумевшая старуха.

— Потом... Сначала узнать все надо. Думай башкой,— внушал ей кам.

Но Каракамиха не умела думать. Оставшись одна, она ждала только ночи, чтобы расправиться с Очаном.

ЛОДКА-ДОЛБЯНКА

В горах медленно темнело. Коротенькие переулки и широкие дворы Заайхана пустели. Старики улуса, привыкшие укладываться на ночной покой вместе с птицами, дымили перед сном в просмоленные никотином трубки.

Чуть ниже Заайхана, у высокого утеса, стояла небольшая долблянка. В лодке на свежем сене была расстелена медвежья шкура. На носу лодки была прилажена железная чаша с сухими сосновыми корнями. Недалеко от лодки, на узком уступе утеса, стоял и беспокойно смотрел по сторонам невысокий паренек лет шестнадцати. Это был заайханский комсомолец Сеня Тортумашев.

УЛЬГЕН

Каракамиха, ожидая полной темноты, сидела на табуретке у окна и изредка прикладывалась к бутылке с самогоном. Иногда она, как голодная сова, смотрела в сторону амба-

ра. В помутневшем от самогона и злобы мозгу перебирала она свои старые грехи — и готовилась к новому.

Но когда время накрыло Заайхан черным пологом, старуха трусливо вздрогнула. Ей показалось, что с горы Ульгена, куда кам каждую весну после первого крика кукушки совершал восхождение, спускается, широко раскинув руки, огромный человек во всем белом.

— Ульген!.. — тупо стукнуло в голове старухи. Она сползла с табуретки и засуетилась: то жирным телом жалась в угол с оловянным крестом, то прятала оплывшее лицо в пирамиду пышных подушек на деревянной кровати, то останавливалась посреди избы и, косматая, растрепанная, слезно умоляла святого Ульгена пощадить ее.

Высокий в белом неотвратимо приближался к владениям шамана.

Старуху охватил страх расплаты.

Она дико бросала взгляды то на стены, то на дверь, то на окна. Все почему-то густо покрылось кровью, а с потолка медленно, прямо на ее голову, опускался большой, многолапый, как живая коряга, паук. Вот чудовище приблизилось и грубо зацепило страшной лапой за распущенные космы.

Старуха бешено взвыла и грохнулась на пол.

В ОРТОН, К МАКСИМУ

А высокий человек в белом спокойно вошел в амбар, приласкал оробевшего было Очана и вышел вместе с ним.

Они не спеша поднялись к уступу. Паренек на скале, увидев их, радостно закричал:

— Дядя Мирон!.. Очан!.. Жив!

— Слава Ульгену,— подтвердил кузнец и добавил:

— Еще дедушка Ултан говорил, что эта старуха пакостлива, но труслива. А трусу с нечистой совестью всегда что-нибудь кажется. Да еще такой шабур!— Мирон Никанорович, улыбаясь, сбросил с плеч длинную холстину и, усадив Очана в лодку, спросил паренька:

— Сеня, бумагу не потерял?

Сеня сунул руку за пазуху — бумага зашуршала.

— Тут.

— В Ортоне дяде Максиму отдашь. Он вас ждет у Тихона Кыдымаева. Очана возьмет, а ты сразу обратно.

— Дядя Максим меня возьмет?— просиял Очан.

— Обещал, сынок. А теперь все. Надо плыть. — Кузнец зажег в чаше смолистые корни, качнул корму, на которой ловко уселся Сеня, и бесшумно оттолкнул лодку от берега.

Сильная река подхватила ребят и понесла вниз по течению.

СОДЕРЖАНИЕ

Береза Ульгена	3
Последние из улуса Ултана	4
Толай	6
Сыркашев, Хромой и другие	8
Акпаш	9
Очан, Луна и Владычица Луны	10
Анюк	12
Не надо плакать	13
Очан и налим	14
По орехи	16
И снова зима...	18
Откуда ждать помощи?	20
Совсем один	22
Ултан и Архип, Толай и Антон	23
Антон и шаман	23
Очан, Каракам и старуха	25
«Мой умный Тунма...»	27
«Горы, откройте свои двери!»	29
Максим Столбов	32
Максим и Каракам	34
Неприятный гость	35
Горшок с золотом	38
Рыбалка не получилась	39
«Стой! Стой, Максим!»	40
Максим, змея и речка Светлая	41
Встреча на тропе	42

«Невесело, видать, тебе, дружка...»	43
Партийное собрание	45
«Не забывайте про Очана»	50
Красивые камушки	50
«О куда, куда!..»	53
«Руби дрова, носи вода, мели ячмень!»	55
Золота у них больше нет	56
«Одни косточки от тебя останутся!»	57
Ичий	58
Каракамиха ждет ночи	58
Лодка-долбянка	59
Ульген	59
В Ортоп, к Максиму	60

Литературно-художественное издание

Ижболдин Георгий Михайлович

ЗА АЙХАНОМ

Повесть

*Для детей среднего и старшего
школьного возраста*

Редактор Л. А. Никонова
Ведущий редактор В. Б. Соколов
Художник Н. В. Сидоркин
Художественный редактор В. П. Кравчук
Технический редактор Г. Н. Манохина
Корректор Е. А. Царева

ИБ № 1499

Сдано в набор 04.11.89. Подписано к печати 20.03.90. ОП03625.
Формат 70X90¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,34. Усл. кр.-отт. 2,63. Уч.-изд. л. 2,18. Тираж 10000 экз. Заказ № 4885. Цена 15 к.
Кемеровское книжное издательство. Кемеровский полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

15 к.

